Всеобщая теория забвения

Автор:
Жузе́ Агуалуза

Всеобщая теория забвения

Жузе? Эдуарду Агуалуза

В юности Луду пережила психологическую травму. С годами она пришла в себя, но боязнь открытых пространств осталась с ней навсегда. Даже в магазин она ходит с огромным черным зонтом, отгораживаясь им от внешнего мира. После того как сестра вышла замуж и уехала в Анголу, Луду тоже покидает родную Португалию, чтобы осесть в Африке. Она не подозревает, что ее ждет. Когда в Анголе начинается революция, Луанду охватывают беспорядки. Оставшись одна, Луду предпринимает единственный шаг, который может защитить ее от ужаса внешнего мира: она замуровывает дверь в свое жилище. Отныне ее жизнь будет протекать в полной изоляции, а за тем, что происходит вне стен ее дома, Луду сможет лишь подглядывать со своего верхнего этажа. “Всеобщая теория забвения” – книга о памяти и беспамятстве, о жизни наедине с собой и о мире, который не позволяет человеку оставаться одному, о попытках забыть и одновременно помнить все. В 2017 году роман получил престижную Дублинскую премию, а годом ранее номинировался на “Международного Букера”.

Жузе? Эдуарду Агуалуза

Всеобщая теория забвения

© Ринат Валиулин, перевод, 2018

© “Фантом Пресс”, оформление, издание, 2018

* * *

Подобно португальцу Фернандо Пессоа и аргентинцу Хорхе Луису Борхесу, португало-ангольский писатель Жузе? Эдуарду Агуалуза – непревзойденный мастер литературных трюков, он буквально ослепляет своим воображением… Агуалуза жонглирует жанрами, мгновенно переходя от шпионского романа к назидательному роману, от детектива к магическому реализму, но главное в его книге – персонажи, в которые он вложил все свое сердце, и потому рассказанная им история проникает в читателя очень глубоко, заставляя нас пересмотреть нашу способность к сопереживанию.

Minneapolis Star Tribune

Рассказчик-виртуоз. Сладостно-горькое искупление, к которому движутся все его персонажи, настолько подлинное, что нет никакого сомнения – они заслужили его.

Washington Independent Review of Books

История бросает вызов нашим сложившимся представлениям о том, что между “героем” и “злодеем” всегда есть черта, которую ни один из них переступить не может. Роман делает то, что и должна делать настоящая литература, – пленяет и начисто лишает способности вырваться из этого плена.

Words Without Borders

Каждая страница фонтанирует воображением.

The Irish Independent

Легкость и непринужденность Луи де Берньера и острая прозорливость Дж. М. Кутзее… Проза Агуалузы – наслаждение от первого до последнего слова. Он распахивает для нас мир португальской Африки. И это завораживает.

The Scotsman

Гениальный, напряженный и остроумный роман.

The Times Literary Supplement

Странно, завораживающе, обаятельно.

Guardian

Произведение беспощадной оригинальности.

The Independent

Один из самых мощных и красивых аргументов против стереотипного представления об Африке.

El Pa?s

В романе Жузе? Эдуарду Агуалузы действительность и вымысел смешиваются и меняются местами.

Folha de S?o Paulo

Мир забывает о героине романа так же, как она постепенно забывает о мире.

Ra?dio TSF

Автор пережил психологический опыт своей героини. Когда он работал журналистом, у него были политические разногласия с ангольским режимом: “Мне поступали угрозы убийства, и я опасался выходить из дома. Именно тогда мне впервые подумалось о том, как я смогу выжить, запершись у себя на этаже”. Персонажи Агуалузы настолько яркие, что не требуют долгих описаний. Некоторые главы романа занимают не более страницы. Агуалуза хорошо знаком с действительностью трех стран на трех континентах, где он попеременно проживает, – Португалии, Анголы и Бразилии, – и все три страны оказали заметное влияние на его творчество.

El Pa?s

Агуалуза – первый португалоязычный автор, завоевавший одну из самых престижных мировых литературных премий, Internationa Dublin Literary Award. Жюри премии особо выделяет умение автора внушить своим читателям “понимание и надежду”, оперируя ангольскими реалиями, которые в его интерпретации приобретают глобальный характер.

Pu?blico

От переводчика

Жузе? Эдуарду Агуалуза из тех белых европейцев, что родились в бывшей португальской колонии, он называет себя ангольцем и ангольским писателем. Несмотря на то что он вырос и получил образование в Португалии, действие почти всех его книг разворачивается на африканской земле с ее географической, социокультурной и языковой спецификой. Его литературный стиль отличают лаконичность, необычайная выразительность слов, фраз и ритмики, виртуозное владение диалектизмами. Жузе? Эдуарду родился в 1960 году, когда Анголе еще полтора десятилетия предстояло оставаться зависимой от метрополии. Волею судьбы Агуалуза стал наследником сформировавшегося к

тому времени класса местной интеллигенции, подчинившей свои таланты, в том числе и писательский, освобождению страны от колониализма.

С провозглашением независимости проблем в новом государстве стало только больше. Главная – затяжная гражданская война, убившая множество мирных людей; разруха, вызвавшая всплеск неграмотности; поляризация общества; преследование инакомыслящих; рост агрессии и недоверия; зарождение партийной номенклатуры, а в дальнейшем – появление “новых ангольцев”, довольно быстро отказавшихся от эфемерных коммунистических идеалов и пустопорожних рассуждений о равенстве и справедливости.

“Всеобщая теория забвения” охватывает продолжительный, в три десятилетия, период новейшей истории Анголы, погруженный автором в контекст собственных образов, фантазий, иллюзий и идеалистических заблуждений. Пожалуй, именно это сложное сочетание помогает читателю особенно остро прочувствовать и понять поступки героев – и, прежде всего, героини книги, отгородившей себя кирпичной стеной от свалившейся на нее в одночасье новой эпохи. В страхе перед непонятным новым миром, не готовая стать его частью, она предпочитает изоляцию.

Невероятно пестрое многообразие персонажей “Теории” сравнивают с персонажами и характерами старшего современника и учителя Агуалузы – Жоржи Амаду. С творчеством этого бразильского писателя и живущими в его книгах обитателями штата Баи?а он познакомился еще в детстве, влюбившись в них раз и навсегда. “Вселенная творчества Жоржи Амаду для меня никогда не была чужой. Окунаясь в нее, я чувствовал себя будто во дворе собственного дома”, – признается Агуалуза.

Баи?а не зря считается “самым африканским” из всех штатов Бразилии. Здесь это ощущается буквально во всем – например, в том, как люди непринужденно, радостно и беззаботно танцуют на улицах; черная культура привезенных в Бразилию несколько столетий назад африканских рабов органично срослась тут с европейской культурой и традициями, замешанными, плюс ко всему, и на общем для обеих стран языке. И это еще одно обстоятельство, которое роднит двух писателей. Хотя с параллелями, пожалуй, хватит.

Жузе? Эдуарду Агуалуза – писатель своеобразный и ни на кого не похожий. Его книги, которых сегодня более двух десятков, переведены на 25 языков. Главная мечта писателя – построить в стране столько библиотек, чтобы они были

доступны каждому жителю. Он уверен, что литература объединяет людей, перекидывает между ними мосты, побуждает к дискуссии. Авторитарные правители, по мнению Агуалузы, чужды литературе с ее образами и идеями, иначе они не стали бы тем, кем стали. Там, где заканчиваются споры, рано или поздно начинается диктатура – так считает писатель, бывший непримиримым противником недавно оставившего свой пост экс-президента Анголы душ-Сантуша, бессменно правившего страной 38 лет.

“Всеобщая теория забвения” – книга о живущем в нас прошлом, которое нельзя изменить. Однако – уверен автор – со временем меняется то, как мы его для себя объясняем. И это в значительной степени позволяет нам сделать именно художественная литература.

Ринат Валиулин

Предисловие

Лудовика Фернандеш Ману умерла в Луанде, в клинике Саграда Эшперанса, ночью 5 октября 2010 года. Ей было восемьдесят пять лет. Сабалу Эштеван Капитангу передал мне копии десяти тетрадей, в которых Луду вела дневник на протяжении первых из двадцати восьми лет своего добровольного заточения. Кроме этого, я получил доступ к записям, появившимся уже после ее освобождения, а также к множеству фотографий, отснятых художником Сакраменту Нету (Сакру). На этих фото – тексты и рисунки Луду, сделанные углем на стенах ее квартиры. Дневники и стихи Луду помогли мне воссоздать драму, которую ей пришлось пережить, и, как мне кажется, лучше понять ее. В этой книге я привожу многие из перечисленных свидетельств. Однако то, что вам предстоит прочитать, является художественным вымыслом – чистой воды.

Наше небо – это ваша земля

Лудовика никогда не любила находиться под открытым небом. С самого детства незащищенные пространства внушали ей ужас. Выходя из дома, она чувствовала себя хрупкой и уязвимой, словно черепаха, с которой содрали панцирь. Будучи еще маленькой, шести-семи лет от роду, она отказывалась ходить в школу, не спрятавшись под спасительным зонтом – большим, черного цвета – независимо от погоды. Убедить ее этого не делать не могли ни советы родителей, ни злые насмешки других детей. С годами это почти прошло. Но только до тех пор, пока не случилось то, что она позже привыкла называть Происшествие. После этого Луду стала смотреть на свой изначальный страх как на предчувствие того, что с ней потом произойдет.

После смерти родителей Лудовика перебралась в дом сестры. Покидала она его довольно редко. Ей удавалось зарабатывать небольшие деньги, давая уроки португальской грамматики ленивым подросткам. Помимо этого она читала, вышивала, играла на пианино, смотрела телевизор, готовила еду. Вечерами Луду часто подходила к окну и вглядывалась в темноту – будто человек, склонившийся над бездной.

Одетт раздраженно качала головой:

– Что с тобой, Луду? Боишься упасть вниз к звездам?

Одетт преподавала английский и немецкий в лицее. Луду она очень любила и старалась надолго не уезжать из дома, даже в праздники и выходные, чтобы не оставлять ее одну. Некоторые друзья поощряли такую жертвенность, другие, наоборот, осуждали за потакание причудам сестры. Лудовика же не могла и представить себе, как бы она жила в одиночку. Хотя, конечно, ее расстраивало, что для Одетт она отчасти обуза. Луду представляла себя с сестрой сиамскими близнецами, соединенными пуповиной: один из близнецов парализован и еле жив, а второй, Одетт, обречен всюду таскать сестру за собой.

Луду и обрадовалась очень, и сильно испугалась, когда Одетт влюбилась в горного инженера. Его звали Орланду. Вдовец, без детей. Они познакомились, когда тот приехал в Авейру[1 - Аве?йру – город в центральной части Португалии. (Здесь и далее примеч. перев., если не указано иначе.)] по своему довольно запутанному наследственному делу. По рождению Орланду был ангольцем, из Катете. Последнее время он жил между столичной Луандой и Дунду, небольшим городком, в котором заправляла алмазодобывающая компания, где он работал. Через две недели после их встречи в кондитерском магазине Орланду

предложил Одетт выйти за него замуж. Заранее предполагая причину отказа и желая его избежать, он заявил, что Луду будет жить вместе с ними. Через месяц все трое уже обосновались в огромной квартире на последнем этаже одного из самых роскошных жилых зданий Луанды, объекта зависти горожан, прозванного в народе “Домом мечты”.

Переезд для Луду оказался непростым. Она переборщила с успокоительным, поэтому у нее постоянно кружилась голова, она то и дело жаловалась и капризничала. Весь полет Луду проспала, а на следующее утро началась обычная жизнь, почти столь же рутинная, как и прежде. У инженера имелась приличная библиотека из нескольких тысяч книг на португальском, французском, испанском, английском и немецком. Там была почти вся классика мировой литературы. Лудовика могла больше читать, хотя времени на это теперь было меньше, поскольку она сама настояла на том, чтобы рассчитать двух служанок с кухаркой, и взяла на себя все домашние хлопоты.

Как-то днем инженер вернулся домой, бережно держа в руках картонную коробку, которую он вручил свояченице:

– Это вам, Лудовика, чтобы скучно не было. А то вы часто остаетесь одна.

Луду раскрыла коробку. Оттуда испуганными глазами на нее смотрел белый щенок, совсем еще крошечный.

– Мальчик. Немецкая овчарка, – пояснил Орланду. – Они очень быстро растут. Это альбинос, достаточная редкость, ему не стоит долго быть на солнце. Как вы его назовете?

Не колеблясь ни секунды, Луду ответила:

– Призрак!

– Призрак?

– Да, он ведь как призрак. Весь такой белый.

Орланду пожал костлявыми плечами:

– Хорошо. Пусть будет Призрак.

Из гостиной их квартиры можно было попасть на террасу – по спирали изящной, хотя и несколько старомодной винтовой лестницы из кованого железа. С террасы открывался вид на значительную часть города, на залив, Остров[2 - Остров Луанда – уходящая в океан песчаная коса длиной в несколько километров и шириной от 300 до 500 метров, отделенная от основной территории ангольской столицы одноименным заливом.] и похожую на гигантское ожерелье череду пляжей с кружевом морских волн. Орланду обустроил на террасе сад. Навес, обвитый бугенвиллеями, отбрасывал сиреневую тень на вымощенный необожженным кирпичом пол. Чуть в стороне, в углу, росли гранатник и несколько банановых деревьев. Гостей это удивляло:

– Бананы, Орланду? У тебя тут сад или целая плантация?

Эти замечания раздражали инженера. Бананы он посадил в память о саде своего детства – окруженного стеной из такого же кирпича, – где он любил играть. Будь его воля, Орланду посадил бы тут еще и манговое дерево, и мушмулу, и папайю – да побольше. Возвращаясь из конторы, он усаживался в саду со стаканом виски, зажав в зубах черную сигару и наблюдая, как сумерки поглощают город. Призрак обычно составлял ему компанию – терраса щенку тоже нравилась. Луду же, наоборот, отказывалась туда подниматься. А в первые месяцы жизни на новом месте она вообще боялась близко подходить к окнам. “Африканское небо гораздо больше нашего. Оно может нас раздавить”, – объясняла она сестре.

Однажды солнечным апрельским утром Одетт пришла из лицея домой пообедать. Она пребывала в возбуждении и тревоге: в метрополии произошла какая-то заваруха[3 - Речь об антифашистской революции 25 апреля 1974 года, после которой африканские колонии Португалии одна за другой начали объявлять о своей независимости от метрополии.]. Орланду, находившийся в тот день в Дунду, вернулся только к вечеру. Они с Одетт сразу же ушли к себе в комнату и закрылись там. Луду слышала, как они спорят. Одетт хотела покинуть Анголу как можно скорее: “Террористы, дорогой, террористы!..”– “Террористы? Не смей произносить это слово в моем доме! – Орланду никогда не кричал. И сейчас он говорил шепотом, но резко и с нажимом; голоса собеседников скреблись ножами в сдавленных глотках. – Эти самые террористы сражались за свободу моей страны. Я анголец. Никуда я не поеду”.

Последующие дни выдались довольно бурными. Демонстрации, забастовки, митинги. Луду плотно закрывала оконные рамы, чтобы не дать квартире наполниться раскатистым смехом уличной толпы, периодически сотрясавшим воздух, будто залпы салюта. Орланду был сыном торговца из португальской провинции Минью, обосновавшегося в Катете еще в начале века, и уроженки Луанды, полукровки, умершей при родах. Он почти не поддерживал связей с родственниками, и вот один из них вдруг объявился. До возвращения в Луанду кузен Виторину Гавиан пять месяцев жил в Париже – пьянствовал, крутил романы, плел интриги, писал стихи на салфетках в бистро, куда заходили бежавшие во Францию португальцы и африканцы из колоний, – и каким-то образом заработал себе авторитет эдакого романтика революции. Гавиан появился в доме Орланду, словно ураган, нарушив строгий порядок книг на книжных полках, бокалов в буфете и внеся нервозность в поведение Призрака. Щенок повсюду следовал за Виторину, соблюдая при этом безопасную дистанцию, лаял и рычал на него.

– Товарищи хотят с тобой поговорить, слышишь? – громогласно заявлял Виторину, хлопая Орланду по плечу. – Мы сейчас думаем о переходном правительстве, и нам нужны хорошие кадры. Ты как раз кадр хороший.

– Может быть, и так, – соглашался Орланду. – Хотя кадры-то у вас есть. Вот с их расстановкой пока не все в порядке.

Он сомневался. “Да, – бормотал Орланду себе под нос, – страна, конечно же, может рассчитывать на накопленный мною опыт”. Но все-таки его беспокоили некоторые уж совсем экстремистские настроения в Движении[4 - Имеется в виду МПЛА, Народное движение за освобождение Анголы (Movimento Popular de Liberta??o de Angola).]. Он понимал, что общество устало от несправедливости, однако коммунисты, угрожавшие все национализировать, его пугали. Экспроприировать частную собственность, выслать из страны белых, выбить зубы мелкой буржуазии, – Орланду очень гордился своей идеальной улыбкой и вовсе не хотел носить вставную челюсть. Кузен посмеивался, объяснял излишнюю образность таких речевых оборотов всеобщей эйфорией. Говоря это, он нахваливал виски, не забывая периодически пополнять свой стакан. С шарообразной, а-ля Джимми Хендрикс, копной кудрявых волос, в вечно распахнутой на потной груди цветастой рубахе, двоюродный братец Орланду внушал сестрам нескрываемый страх.

– Он говорит, как черный, – жаловалась Одетт. – И каждый раз после него в доме такая вонь, что не продохнуть.

В такие моменты Орланду впадал в ярость и покидал дом, громко хлопая дверью. К концу дня он возвращался – мрачный, шипами наружу, словно колючка. Приходил обычно, когда уже совсем было темно. От него сильно пахло алкоголем и табаком. Спотыкаясь, он цеплялся за мебель и горячим шепотом проклинал “эту чертову жизнь”. В компании Призрака он поднимался на террасу с пачкой сигарет, бутылкой виски и сидел там весь вечер.

После первых выстрелов под окнами начался массовый исход португальцев, устраивавших по этому поводу грандиозные отвальные. Колонисты танцевали, празднуя скорый отъезд, а на улицах в это же самое время гибли молодые ангольцы с революционными флагами в руках. Рита, жившая в квартире по соседству, решила переехать из Луанды в Рио-де-Жанейро. В ночь перед отъездом она собрала у себя две сотни друзей. Праздник затих лишь к рассвету.

– Все, что не допьем, оставим вам, – сказала она, показав Орланду кладовку с громоздящимися друг на дружку коробками отборных португальских вин. – Выпейте все. Главное, чтобы не осталось ни одной бутылки и коммунистам нечем было праздновать.

Через три месяца высотка почти опустела. А Луду голову сломала, пытаясь пристроить в квартире бесчисленные коробки с вином, ящики с пивом, консервы, ветчину, вяленую треску, килограммы соли, сахара и муки и нескончаемое количество всяких чистящих и гигиенических средств. Один друг, коллекционер спортивных авто, оставил Орланду в подарок “Шевроле-Корвет” и “Альфа Ромео GTA”, другой – ключи от собственной квартиры.

– Мне всегда не везло, – жаловался Орланду сестрам, и было непонятно, шутит он или говорит всерьез. – Вот и сейчас, только я начал коллекционировать автомобили и квартиры, как – на тебе! – приходят коммунисты и хотят все это отобрать.

Стоило Луду включить радио, как дом тут же наполнялся звуками революции. Все эти бурные события случились благодаря народной власти, – повторял популярный в те дни певец. Эй, дружище, – пел другой, – полюби своего брата, не смотри на цвет его кожи, он такой же анголец, как и ты. Единый народ

Анголы добьется независимости! Некоторые мелодии плохо стыковались со словами. Казалось, их тексты украдены из других песен, возможно, грустных баллад, которые пелись совсем в иные времена и все еще светились их давним светом. Выглядывая в окно через прикрытую занавеску, Луду видела внизу грузовики с людьми. Одни из них размахивали флагами, другие держали в руках транспаранты с лозунгами:

За полную независимость!

Покончим с пятью веками колониализма и угнетения!

Хотим Будущего!

Теснящиеся в конце каждого такого призыва восклицательные знаки сливались в ее глазах с ката?нами, длинными тесаками с широким лезвием для рубки тростника, которыми размахивали манифестанты, иногда даже двумя – в каждой руке. Они бряцали своими ножами, что-то угрюмо выкрикивая. Катаны были нарисованы и на флагах, и транспарантах.

Однажды ночью Луду приснилось, будто бы под улицами города, под престижными особняками прибрежных районов ангольской столицы выстроена нескончаемая сеть тоннелей. Сквозь их своды деревья прорастают вниз своими хаотично свисающими корнями, а еще ниже, в глубоком подземелье, погруженные в грязь и темноту, обитают тысячи людей, которые кормятся тем, что колониальная буржуазия спускает в канализацию. Лудовика шла сквозь толпу. Люди размахивали катанами, стучали ими друг о друга, а тоннели эхом распространяли эти звуки дальше. Один из мужчин отделился от остальных. Он вплотную подошел к Луду, приклеился своим грязным лицом к ее лицу, улыбнулся и, дыша ей прямо в ухо, низким и мягким голосом произнес: “Наше небо – это ваша земля”.

Колыбельная для маленькой смерти

Одетт настаивала на том, чтобы они уехали из Анголы. Ее муж шипел в ответ всякие грубости: что они с сестрой могут ехать, что только колонисты должны

уезжать, что они здесь никому не нужны, что эта эпоха закончилась и начинается новое время. И теперь, будет ли завтра солнце или пойдет ливень, озарится ли земля светом, разразится ли буря, – ничто здесь уже не обернется для португальцев ни их светлым будущим, ни ураганом возмездия.

Орланду все больше распалялся. Он мог часами перечислять жене совершенные в отношении африканцев преступления, допущенные просчеты, проявления несправедливости и хамства – до тех пор, пока она, не в силах больше это выносить, вся в слезах не закрывалась в гостевой спальне. Тем удивительнее было то, что произошло однажды вечером, за пару дней до объявления Независимости, когда он вернулся домой и заявил, что на следующей неделе они уже будут в Лиссабоне. Одетт широко раскрыла глаза:

– Почему?

Орланду тяжело опустился в кресло в гостиной. Содрал с себя галстук, расстегнул рубашку и потом сделал то, чего странным образом никогда до этого не делал, – снял туфли и вытянул ноги, положив их на низенький столик перед собой.

– Потому что мы можем. Теперь мы можем уехать.

Следующим вечером они отправились на очередную отвальную. Луду ждала их за чтением, потом за вязанием до двух часов ночи. Спать она легла очень обеспокоенной и спала плохо. Проснувшись в шесть утра, накинула халат, вышла из своей комнаты и окликнула сестру. Никто ей не ответил. Луду поняла, что случилось что-то страшное. Прежде чем приступить к поискам телефонной книжки, она подождала еще час. Потом позвонила Нунешам, супружеской паре, которые и организовали вечеринку прошлым вечером. Ответил кто-то из прислуги: хозяева всей семьей отбыли в аэропорт. Сеньор инженер с супругой были на вечере, да, но недолго. Он был в очень хорошем настроении, как никогда.

Луду поблагодарила, положила трубку и снова открыла записную книжку. В ней Одетт вычеркивала красными чернилами имена друзей, которые уехали из Луанды. Остались немногие. На звонок ответили трое, и никто не смог ей ничего сказать. Один, преподаватель математики в Лицее Салвадор Куррейя, пообещал позвонить знакомому полицейскому и связаться с ней, как только получит

какую-либо информацию.

Прошло несколько часов. На улице начали стрелять. Сначала доносились отдельные выстрелы, потом – активный обмен очередями из нескольких автоматов. Зазвонил телефон. Мужчина, голос которого показался ей молодым, с лиссабонским акцентом вежливо спросил, может ли он поговорить с сестрой госпожи Одетт.

– А что случилось?

– Спокойно, сеньора, нам просто нужна кукуруза.

– Кукуруза?!

– Вы все прекрасно понимаете. Верните нам камни, и, я даю честное слово, мы оставим вас в покое. С вами ничего не случится. Ни с вами, ни с вашей сестрой. Если хотите, можете улететь в метрополию ближайшим рейсом.

– Что вы сделали с Одетт и моим зятем?

– Старик повел себя безответственно. Некоторые путают глупость с храбростью. Я офицер португальской армии и не люблю, когда меня пытаются обмануть.

– Что вы с ним сделали? Что вы сделали с моей сестрой?

– У нас не так много времени. И все может закончиться или хорошо, или плохо.

– Клянусь, я не знаю, о чем вы говорите, не знаю…

– Вы же хотите вновь увидеть сестру? Тогда сидите тихо дома и не пытайтесь кого-либо предупредить. Как только снаружи все немного уляжется, мы подъедем к вам за камешками. Передадите нам посылку, и мы освободим госпожу Одетт. – Он отключился.

Стемнело. Небо рассекали полосы очередей трассирующих пуль, от взрывов дрожали стекла. Призрак, забившись куда-то под диван, тихо скулил. У Луду кружилась голова, силы будто оставили ее. Она поспешила в ванную комнату,

где ее вырвало. Дрожа всем телом, обессиленная Луду опустилась на пол. Затем, едва придя в себя, она вскочила и направилась в кабинет Орланду, куда прежде заходила не чаще раза в неделю – подмести пол и вытереть пыль. Инженер очень гордился своим письменным столом, величественным и изящным, купленным у одного португальца-антиквара. Луду попыталась открыть верхний ящик, но он оказался заперт. Она сходила за молотком и попросту разбила ящик тремя отчаянными ударами. Сверху лежал порнографический журнал. Брезгливо отложив его в сторону, Луду увидела пачку купюр и пистолет. Взяв оружие обеими руками, Лудовика ощутила, насколько оно тяжелое. Она погладила пистолет, подумав, что именно этим инструментом, весомым, мрачным, почти живым созданием, люди и убивают друг друга.

Луду перевернула вверх дном всю квартиру, но так ничего и не нашла. Наконец она рухнула на диван в гостиной и заснула. Проснулась она внезапно – от того, что Призрак, рыча, тянул ее за край юбки. Дувший со стороны океана ветерок лениво приподнимал тонкие кружевные занавески. В небесной пустоте плавали звезды, тишина лишь усугубляла темноту ночи. Из коридора слышался шелест чьих-то голосов. Босая, она подкралась к входной двери и посмотрела в глазок. Рядом с лифтами трое мужчин приглушенно о чем-то спорили. Один из них, державший в руке фомку, указал ею на дверь, фактически – на стоявшую прямо за ней Луду:

– Там собака, точно. Я слышал лай собаки.

– Ты чего, Мингиту?! – возразил ему другой, худощавый, невысокого роста тип в чересчур просторной и длинной военной куртке. – Нет там никого, колоны все уже смотались. Давай ломай эту хрень.

Мингиту подался вперед. Луду, наоборот, отпрянула назад. Услышав удар, она машинально ответила на него, стукнув по деревянной двери. Сердце ее отчаянно заколотилось. В коридоре затихли, потом кто-то крикнул:

– Кто там?

– Уходите отсюда.

С той стороны засмеялись, после чего тот же голос продолжил:

– А, одна еще осталась! Что, мамаша, забыли про тебя?

– Уходите отсюда, пожалуйста.

– Мамаш, давай лучше открывай. Мы пришли за своим. Вы грабили нас пятьсот лет, а теперь мы здесь, чтобы забрать свое.

– У меня оружие. Никто сюда не войдет.

– Сеньора, только спокойно. Ты нам даешь камни, немного деньжат, и мы тут же убираемся отсюда. У нас тоже у каждого мать есть.

– Нет, я вам не открою.

– Окей. Мингиту, давай ломай.

Луду кинулась в кабинет Орланду, схватила пистолет, вернулась, навела ствол на дверь и нажала на спусковой крючок. Она помнила момент выстрела все следующие тридцать пять лет: резкий грохот, дернувшийся вверх пистолет и короткая боль в запястье. Как бы сложилась ее жизнь дальше, если бы не то, что произошло в это мгновение?

– Ой, кровь. Мам, ты же убила меня!

– Тринита?, дружище, ты ранен?

– Валите, валите отсюда…

На улице, где-то совсем рядом, тоже стреляли. Выстрелы всегда притягивают друг друга. Стоит кому-то запустить в небо пулю, как тут же компанию ей составляют десятки других. В стране, где идет война, для такой реакции достаточно единственного хлопка глушителя неисправной машины, запущенного фейерверка – всего чего угодно.

Луду подошла к двери. Она увидела отверстие, проделанное пулей, прислонилась к нему ухом и услышала тяжелое дыхание раненого:

– Ма, воды! Помоги мне…

– Я не могу. Не могу.

– Сеньора, пожалуйста. Я умираю.

Дрожа всем телом и не выпуская из рук пистолет, женщина открыла дверь. Грабитель сидел на полу, прислонившись к стене. Если бы не густая черная борода, Луду сочла бы его ребенком – мокрое от пота детское лицо и большие глаза, беззлобно смотревшие на нее.

– Вот не повезло, не повезло, не видать мне теперь Независимости!

– Простите, я не хотела.

– Воды. Хочется пить, буэ![5 - Очень, много (ангольский диалект португальского).]

Луду испуганно посмотрела в коридор.

– Давайте сюда. Я не могу вас так оставить.

Охая от боли, парень ползком перебрался в квартиру, а его силуэт ночной тенью сохранился отпечатанным на стене и на полу лестничной площадки. Одна тень отделилась от другой. Наступив босыми ногами на ту, что осталась в коридоре, Луду едва не упала.

– Боже!

– Прости, ба, я тебе весь дом запачкал.

Луду закрыла дверь, заперла замок. Затем бросилась на кухню, налила стакан воды из холодильника и вернулась в прихожую. Парень жадно выпил.

– Вот бы еще такой же стакан свежего воздуха!

– Надо вызвать врача.

– Не обязательно, ба. Меня так и так убили. Спой мне лучше песню.

– Что?

– Спой мне песню, мягкую, как пух.

Вспомнив, как отец, чтобы она поскорей заснула, пел ей бразильские романсы, Луду положила пистолет на деревянный пол, опустилась на колени, обхватила руками маленькие ладошки грабителя, приблизилась губами к его уху и запела.

Она пела долго, пока дом не разбудили первые лучи солнца. Потом она набралась храбрости, без особых усилий подняла мертвое тело и донесла его до террасы. Найдя лопату, на одном из газонов между двумя кустами желтых роз она выкопала неширокую яму.

Несколько месяцев назад Орланду начал строить на террасе маленький бассейн. Война приостановила строительство. Рабочие оставили мешки с цементом, песок и кирпичи – все это было сложено вдоль стены. Луду перетащила часть материалов с террасы вниз, открыла дверь на лестничную площадку, вышла и принялась возводить стену, изолируя квартиру от остальной части здания. Она трудилась все утро, а потом и весь день. И лишь когда стена была достроена и цемент разглажен, Луду вдруг ощутила, как ей хочется пить и есть. Она прошла на кухню, разогрела суп, села за стол и не спеша поела. Оставшийся от обеда кусок курицы она отдала Призраку:

– Теперь мы с тобой одни, ты и я.

Пес съел угощение и принялся лизать ей руки.

Кровь за входной дверью запеклась темным пятном. От него в кухню вели следы босых ног. Призрак принялся было вылизывать их, но Луду оттащила его в сторону. Налила в ведро воды, взяла щетку, хозяйственное мыло и выскоблила пол. Выходя из ванной, после горячего душа, Луду услышала, что звонит телефон, подошла к нему и сняла трубку:

– Все оказалось чуть сложнее. Вчера мы не могли зайти за вещами. Скоро будем.

Луду положила трубку, ничего не ответив. Телефон зазвонил снова, потом на короткое время затих, но как только она повернулась, чтобы уйти, он заверещал вновь, нервно и требовательно. С кухни примчался Призрак и стал носиться вокруг аппарата. Он яростно взлаивал при каждом новом звонке, а затем запрыгнул на столик, на котором стоял телефон, и смахнул его лапой. Аппарат с грохотом ударился об пол. Луду подняла черную коробку и встряхнула ее. Внутри явно что-то отвалилось. Она улыбнулась псу:

– Спасибо, Призрак. Теперь он нас не будет беспокоить.

За окном, в сотрясаемой конвульсиями ночи то и дело раздавались взрывы – пиротехнические ракеты и фейерверки прорезали темноту. Машины сигналили. Выглянув в окно, Луду увидела на улице толпу. В безудержной и отчаянной эйфории люди заполонили город. Лудовика закрылась в спальне и легла на кровать, уткнувшись лицом в подушку. Она постаралась представить себе, что находится далеко-далеко отсюда, в тиши и покое их старого дома в Авейру, смотрит по телевизору какое-нибудь давнее кино и попивает чай с хрустящими поджаренными хлебцами. Но воображение ей отказывало.

Солдаты неудачи

Эти двое делали все, чтобы скрыть свое нервозное состояние. Они были небриты, с отросшими и нечесаными волосами. Оба облачены в яркие цветастые рубахи, брюки-клеш и высокие армейские ботинки. Младший, Бенжамин, сидевший за рулем, все время громко свистел. Жеремиаш по прозвищу Палач сидел рядом, пожевывая сигару. Мимо них проехали несколько авто с поднятым верхом, перевозившие солдат. Мальчишки, сонные, помахали им из машин, показывая двумя пальцами викторию. Они ответили тем же.

– Кубинцы, – проворчал Жеремиаш. – Чертовы коммунисты.

Они припарковались около “Дома мечты”. У входа в здание их остановил какой-то бродяга:

– Доброе утро, товарищи.

– Тебе чего надо-то, а? – заорал на него Жеремиаш. – Собираешься просить деньги у белых? Кончились те времена. В независимой Анголе, в “надежном окопе революции в Африке”, попрошайкам места нет. Им, попрошайкам, нынче головы отрубают.

Жеремиаш оттолкнул бродягу прочь и зашел в подъезд. Бенжамин проследовал за ним. Мужчины вызвали лифт и поднялись на одиннадцатый этаж. Выйдя, они остановились как вкопанные перед недавно возведенной стеной:

– Какого черта?! Эта страна определенно сошла с ума.

– Это точно здесь? Ты уверен?

– Уверен? Я? – Жеремиаш усмехнулся и показал на дверь напротив: – Здесь, на одиннадцатом, в “Е” жила Ритуля. Лучшие ножки Луанды. И самая большая корма. Тебе повезло, что ты с ней не был знаком. Потому что те, кто ее знал, уже не могут смотреть на других баб без чувства горечи и разочарования. Это как солнце Африки. Господи мой Боже, если меня заставят отсюда убраться, куда же я подамся?!

– Понимаю, мой капитан. Так что мы будем делать?

– Найдем кирку и сломаем стену.

Они вернулись к лифту и спустились. Там их поджидал бродяга в компании с пятью вооруженными людьми.

– Вот они, товарищ Монте.

Тот, кого звали Монте, двинулся им навстречу. Он обратился к Жеремиашу громким, уверенным голосом, столь не сочетавшимся с его щуплой фигурой:

– Будьте добры, товарищ, засучите рукав рубашки. Правый. Я хочу увидеть ваше запястье…

– С чего бы это?

– С того, что я вас об этом прошу, с деликатностью парфюмера.

Жеремиаш захохотал. Задрав рукав, он обнажил татуировку: Audaces Fortuna Juvat[6 - Удача сопутствует смелым (лат.).].

– Вы это хотели увидеть?

– Именно, капитан. Похоже, удача вас подвела. И правда, для того чтобы, будучи двумя белыми людьми, в эти неспокойные дни выйти на улицу в португальских армейских ботинках, надо быть даже чересчур смелым и удачливым.

Монте повернулся к двум вооруженным военным и приказал им связать наемников. Те связали им руки за спиной и затолкали в салон видавшей виды “Тойоты-Короллы”. Один из военных сел на пассажирское сиденье, Монте – за руль. Остальные проследовали за ними на военном джипе. Бенжамин уткнулся лицом в колени, не в силах сдержать слезы. Жеремиаш раздраженно толкнул его в плечо:

– Успокойся. Ты солдат португальской армии.

Монте вмешался:

– Оставьте мальчишку в покое. Не надо было его брать с собой. Вам, проститутке на службе американского империализма, должно быть за это стыдно.

– А кубинцы, они что – не наемники?

– Кубинские товарищи прибыли в Анголу не за деньгами. Они здесь по убеждению.

– Я остался в Анголе по убеждению. Сражаться во благо западной цивилизации, против советского империализма. За то, чтобы Португалия могла увидеть будущее.

– Чушь все это. Не верю. Так же, как вы, как ваша мать тоже не верите. Кстати, какого черта вам понадобилось в доме Риты?

– Вы знаете Риту?!

– Риту Кошта-Рейш? Ритулю? Ноги от зубов. Лучшие в Луанде.

Они оживленно заговорили об анголках. Жеремиаш высоко ценил луандских женщин. Однако, уточнил он, никакая женщина в мире не сравнится с мулатками из Бенгелы. Тогда Монте вспомнил про Рикиту Баулет, представительницу одного из древнейших родов Мосамедиша[7 - Бенгела и Моса?медиш – провинции в центре и на юге Анголы.], которая стала победительницей конкурса “Мисс Португалия” в 1971-м. Жеремиаш сдался. Рикита. Да, он отдал бы жизнь за то, чтобы однажды утром проснуться рядом с этой черноглазой красоткой.

Тем временем мужчина, сидевший рядом с Монте, прервал их разговор:

– Это здесь, командир. Приехали.

Город остался позади. Перед ними возвышалась стена, пересекавшая большой пустырь. Вдали виднелись баобабы, за которыми простирался голубой, без единого пятнышка, горизонт. Они вышли из машины. Монте развязал обоих наемников и выпрямился:

– Капитан Жеремиаш Палач. Как я полагаю, Палач – это прозвище? Вы обвиняетесь в массовых зверствах. Вы пытали и убивали десятки борцов за независимость Анголы. Некоторые наши товарищи желали бы увидеть вас в суде. Я же считаю, что мы не можем тратить время на судебные разбирательства. Народ вас уже приговорил.

Жеремиаш усмехнулся:

– Народ? Чушь собачья. Не верю я в это. И вы в это не верите, и ваша мать не верит. Отпустите нас, и я дам вам полную пригоршню алмазов. Камни что надо. Вы сможете оставить эту страну и начать жизнь в новом месте. У вас будут женщины, каких вы только пожелаете.

– Спасибо. Я не собираюсь уезжать, и единственная женщина, которую я хочу, находится в моем доме. Счастливого пути, и желаю хорошенько поразвлечься там, куда вы отправитесь.

Монте вернулся к машине. Солдаты подтолкнули португальцев к стене и отошли на несколько метров. Один из них вынул из-за пояса пистолет, после чего со спокойным, чуть ли не скучающим видом прицелился и трижды выстрелил.

Жеремиаш Палач лежал на спине. Высоко в небе он видел летящих птиц. На запятнанной кровью, изрешеченной пулями стене красной краской было написано: Пальба продолжается[8 - Искаженный лозунг периода борьбы за независимость и первых послереволюционных лет: “Борьба продолжается, победа неизбежна” (A luta continua, a vito?ria e? certa, португ.).].

Субстанция страха

У меня вызывает страх все, что за окном, – ветер, порывами проникающий внутрь, звуки, которые он приносит с собой. Меня пугают комары и целые мириады иных, неизвестных мне насекомых. Для меня здесь все чужое, как для птицы, упавшей в бурную реку. Мне непонятны языки, долетающие до меня с улицы, и те, что приносит в дом радиоприемник; я не понимаю, что они такое говорят, даже когда это похоже на португальскую речь, поскольку их португальский перестал быть моим.

Даже свет мне кажется странным.

Его слишком много.

И некоторые цвета, которых не должно быть на здоровом небе.

Мне гораздо ближе моя собака, чем те люди, что снаружи.

После конца

После конца время стало течь медленнее. По крайней мере, Луду именно так это воспринимала. 23 февраля 1976 года она написала в своем первом дневнике:

Сегодня ничего не происходило. Я спала. А во сне видела, что сплю. Вместе со мной спали деревья, животные и огромное количество насекомых. И вот так все мы вместе, хором, словно большая толпа в маленькой комнате, видели этот сон, обмениваясь мыслями, запахами и нежными прикосновениями. Я помнила себя и пауком, ползущим к своей пленнице, и мухой, попавшей в его паутину. Я чувствовала себя цветком, распускающимся на солнце, и ветром, разносящим цветочную пыльцу. Когда я проснулась, я была одна.

Интересно: если мы спим и нам снится, что мы спим, можем ли мы так же, проснувшись, оказаться в другой, не такой мрачной реальности?

Однажды утром Луду открыла кран, но вода из него не потекла. Это ее напугало. Ей впервые пришла в голову мысль, что она может провести долгие годы, оставаясь запертой в квартире. Проверив запасы в кладовке, она убедилась, что недостаток соли, например, ее волновать не должен. Имелся также значительный, на несколько месяцев, запас муки, кроме этого – мешки и мешки с фасолью, пакеты с сахарным песком, коробки с вином и лимонадом, десятки консервных банок с сардинами, тунцом и сосисками.

Вечером того дня полил дождь. Луду достала зонт и поднялась на террасу, натыкаясь по дороге на ведра, тазы и пустые бутылки. Следующим утром, встав пораньше, она вырыла все бугенвиллеи и прочие декоративные растения, набрала горсть лимонных косточек и посеяла их на грядке, где похоронила мальчишку-налетчика. На четырех других клочках земли она посадила остававшиеся у нее картофелины. На одном банановом дереве висела огромная гроздь с плодами. Она сорвала несколько бананов, отнесла на кухню и показала Призраку:

– Видишь? Орланду посадил банановые деревья для красоты. А нам они пригодятся, чтобы спастись от голода. Точнее, пригодятся они мне, поскольку ты вряд ли любишь бананы.

На следующий день вода в кране появилась. Однако потом она стало часто пропадать, так же, как и электричество. А потом все исчезло полностью. В первые недели Луду больше беспокоило отключение света, нежели воды. Ей очень не хватало радио. Она любила слушать международные новости по Би-би-си или по национальному португальскому радио RDP. Иногда она переключалась и на ангольские радиостанции, даже если ее раздражали постоянные выступления о борьбе против колониализма, неоколониализма и сил реакции. Радиоприемник представлял собой великолепный аппарат с деревянным корпусом в стиле ар-деко и клавишами из слоновой кости. С нажатием на одну из клавиш внутри приемника зажигались огни, и он становился похожим на освещенный город. Луду вертела ручку настройки в поисках различных голосов, и до нее доносились обрывки фраз на разных языках – английском, французском или на каком-то непонятном ей языке Африки:

…Israeli commandos rescue airliner hostages at Entebbe…

…Mao Tse-tung est mort…

…Combatants de l’inde?pendance aujourd’hui victorieux…

…Nzambe azali bolingo mpe atonda na boboto…

Кроме этого, в доме был проигрыватель. Орланду коллекционировал долгоиграющие пластинки с французским шансоном. Жак Брель, Шарль Азнавур, Серж Реджани, Жорж Брассенс, Лео Ферре. Когда океан начинал поглощать дневной свет, Луду слушала Бреля. Город погружался в сон по мере того, как она тщетно пыталась удержать в памяти ускользающие от нее имена. Солнце узким лучом все еще горело, и мало-помалу ночь и время бесцельно растекались в пространстве. Усталое тело, давящая боль в пояснице и ночь, переливавшаяся оттенками синего… Луду представляла себя королевой, веря, что где-то ее непременно ждут так, как и должны ждать королеву. Но не было никого, кто мог бы ждать ее – ни в одном уголке мира. Город засыпал, птицы были, как волны, волны – как птицы, а женщины – как женщины. И ей никак не верилось в то, что они являются будущим для Человека[9 - Парафраз песни Жака Бреля La ville s’endormait, “Город заснул” (примеч. автора).].

Как-то днем до нее донеслось громкое эхо чьих-то радостных голосов. В панике она вскочила с постели, испугавшись, что в дом снова пытаются ворваться.

Гостиная соседствовала с квартирой Риты Кошта-Рейш. Луду прижалась ухом к стене: две женщины, мужчина и несколько детей. Мужской голос был громкий, бархатистый и приятный. Они говорили на языке, который, среди прочих, она иногда слышала по радио. Некоторые слова будто выпрыгивали из потока речи, словно разноцветные мячи, и оседали внутри ее головы.

Boling?. Bis?. Matondi.

По мере того как заселялись новые жильцы, в “Доме мечты” становилось все более оживленно. Это были бывшие обитатели городских трущоб – муссекеш, крестьяне, недавно переехавшие в город, ангольцы, вернувшиеся из соседнего Заира, и собственно заирцы. Никто из них до этого никогда не жил в многоквартирном доме. Однажды на рассвете Луду выглянула в окно и увидела в квартире “A” на десятом этаже женщину, справлявшую малую нужду прямо на веранде. В квартире “D” пяток куриц встречали восход солнца. Тыльная сторона здания выходила окнами на просторный двор, где еще несколько месяцев назад была парковка. Такие же высокие дома по сторонам и впереди образовывали закрытое пространство. Буйно разросшаяся флора укрывала бывшую парковку теперь по всему периметру, а посередине из некоего подобия котлована била струя воды – взлетала вверх и исчезала в горах мусора и глины вдоль стен домов. Когда-то в центре площадки был пруд. Орланду любил вспоминать, как в тридцатые годы он мальчишкой играл с друзьями среди высоко растущей травы. Иногда они натыкались на скелеты крокодилов и бегемотов, черепа львов.

Луду стала свидетелем возрождения пруда. И даже возвращения бегемотов (объективности ради стоит уточнить: всего лишь одного Бегемота). Это произошло много лет спустя. Но до этого мы еще доберемся. В те месяцы, что минули после провозглашения Независимости, Луду с Призраком питались консервированными сардинами, тунцом, а также сосисками и сырокопченой колбасой. Когда банки закончились, они переключились на супы с фасолью и рисом. К тому времени им иногда целыми днями приходилось жить без электричества. На кухне Луду приспособилась разводить небольшой костерок: сначала жгла ящики, ненужную бумагу и сухие ветки бугенвиллей. Потом в ход пошла лишняя мебель. Разобрав перекладины под матрасом двуспальной кровати, Лудовика обнаружила небольшую кожаную сумку. Она открыла ее и ничуть не удивилась, когда из нее высыпались и покатились по полу десятки маленьких камешков. Когда были сожжены кровати и стулья, она стала отдирать от пола паркетные дощечки. Плотное и тяжелое дерево горело медленно и красиво. Поначалу Луду разжигала огонь спичками. Когда они

закончились, ей пригодилась лупа, с помощью которой Орланду изучал заграничные марки из своей коллекции. Ей приходилось ждать, когда солнце зальет кухню, что происходило к десяти утра. Естественно, в пасмурные дни готовить еду она не могла.

А потом пришел голод. Долгими, словно месяцы, неделями Луду почти ничего не ела. Призрака она кормила кашей из пшеничной муки. Дни и ночи смешались. Просыпаясь, она видела, как пес со свирепым беспокойством наблюдает за ней. Засыпая, она ощущала его горячее дыхание. На кухне Луду выбрала нож, самый острый и длинный, и стала носить его за поясом, словно саблю. Она и сама несколько раз ловила себя на том, что склоняется над псом, когда тот спал. Несколько раз Луду примерялась ножом к его горлу.

Смеркалось, рассветало, однако все вокруг оставалось прежней пустотой, без начала и конца. В какой-то из этих неопределенных моментов времени Луду услышала донесшийся с террасы громкий шум. Взбежав наверх, она увидела Призрака, пожиравшего голубя. Она рванулась к нему, попыталась вырвать кусок птицы. Пес уперся когтями в пол террасы и оскалил пасть. С его зубов стекала плотная, черная, как ночь, кровь, пасть была облеплена прилипшими перьями и кусками плоти. Луду отступила. В тот момент ей пришла в голову мысль соорудить несколько самых простых ловушек. Это были ящики, перевернутые вверх дном, которые она приподнимала с одной стороны, оперев на палку с привязанной к ней веревкой. Внутри, под этим шатким навесом, она оставляла два-три сверкавших в темноте алмаза.

Присев на корточки и спрятавшись за раскрытым зонтом, Луду прождала более двух часов, прежде чем на террасу прилетел первый голубь. Птица приблизилась к ящику неуверенными, точно у пьяницы, шажками, затем попятилась назад, взмахнула крыльями и исчезла в освещенных солнцем небесах. Чтобы вскоре вернуться. На этот раз голубь обошел ловушку по кругу, недоверчиво коснулся клювом веревки, после чего, привлеченный блеском камней, двинулся вперед в темноту ящика. Луду дернула за веревку. В тот день она поймала еще двух голубей. Приготовив их, она смогла восстановить силы. В следующие месяцы добыча заметно возросла.

Уже давно не было дождя. Грядки Луду поливала тем, что скапливалось в бассейне. Наконец холодная пелена низких облаков – касимбу, как ее называют в Луанде, – разверзлась и вода обрушилась на землю. Вскоре подросла кукуруза, фасоль зацвела и выстрелила стручками. На гранатовом дереве закраснели

плоды. Голубей в городском небе становилось все меньше. Последний, что попался в ловушку, был с небольшим кольцом на правой лапке. Луду увидела, что к кольцу прикреплен пластмассовый цилиндрик. Она извлекла из него похожую на лотерейный билет, свернутую трубочкой записку. Сиреневыми чернилами, мелким, но твердым почерком там было написано:

Завтра. Шесть часов, где обычно. Будь очень осторожна. Люблю тебя.

Свернув записку, Лудовика вернула ее на прежнее место. Она колебалась: в животе урчало от голода. Кроме этого, голубь проглотил два или три камня. Осталось всего лишь несколько, некоторые из них были слишком крупными, чтобы служить приманкой. С другой стороны, записка заинтриговала ее. Она вдруг почувствовала себя сильной. Судьба этой пары находилась теперь буквально в ее руках. Крепко сжав эту крылатую судьбу, трепещущую от неподдельного ужаса, Луду бросила ее навстречу огромному небу. В дневнике она тогда написала:

Я думаю о женщине, которая ждет голубя. Она не доверяет почте. А может, уже и нет никакой почты? Не доверяет телефону (или телефонная связь уже не работает?). И не доверяет людям, это уж точно. Человечество никогда не отличалось совершенством. Я вижу, как она держит голубя, не зная, что до этого его, трепещущего в моих руках, держала я. Не знаю, от чего, но эта женщина определенно хочет бежать. От этой страны, которая рушится, от замужества, не дающего ей дышать, от будущего, которое сковывает ее по ногам, как чужая тесная обувь? Подумав, я решила, что надо еще приписать: “Убейте почтальона”. Да, убив голубя, она найдет алмаз и прочтет записку, а не отправит птицу назад в голубятню. В шесть утра она встретится со своим мужчиной, высоким, как я его себе представляю, несуетливым, с чутким сердцем. Готовя побег, этот мужчина охвачен какой-то необъяснимой грустью: сбежав, он станет предателем Родины. Он будет блуждать по свету, находя утешение в любви к женщине, но теперь уже никогда не сможет заснуть, не приложив руку к левой стороне груди. Заметив это, она будет спрашивать: “У тебя что-то болит?” А он лишь покачает головой: “Нет. Все нормально”. Как же ты объяснишь, что у тебя болит потерянное детство?

Выглядывая в окно спальни, она порой могла наблюдать, как долгим субботним утром соседка с десятого этажа из квартиры “А” на веранде толчет кукурузу или варит кашу из маниоки. Позже она видела, как та чистит и готовит на решетке рыбу, а в другой раз – толстые куриные окорочка. Воздух наполнялся терпким и ароматным дымком, обостряя чувство голода. Орланду обожал ангольскую кухню. Луду же, наоборот, всегда отказывалась готовить то, что едят черные. Тогда ей нравилось только приготовленное на углях мясо. Теперь она об этом очень сожалела. Она завела привычку наблюдать за обитающими на веранде курами, которые с первыми лучами утреннего солнца начинали копошиться на полу в поисках пищи. Дождавшись следующего воскресного утра, когда город еще спал, она свесилась из окна и опустила на веранду 10 “А” веревку с петлей на конце. Спустя пятнадцать минут ей удалось набросить петлю на шею огромного черного петуха. Луду резко дернула веревку и потянула птицу вверх. К ее удивлению, когда она опустила петуха на пол своей спальни, тот еще подавал признаки жизни. Вытащив из-за пояса нож, Луду собралась обезглавить птицу, но ее удержало внезапное озарение: в ближайшие месяцы у нее будет достаточно кукурузы, не говоря уже о фасоли и бананах. А с петухом и курицей она сможет начать разводить цыплят. Совсем неплохо иметь каждую неделю свежие яйца. Она вновь спустила веревку, и в этот раз ей удалось зацепить за лапу курицу. Несчастная забилась и подняла ужасный шум, осыпая все вокруг перьями, пухом и пылью. Через несколько секунд уже весь дом сотрясали крики: “Воры! Воры!”

Какое-то время спустя, признав, что невозможно по голой стене забраться на расположенную на десятом этаже веранду и украсть птицу, соседи перешли от обвинений в воровстве поначалу к опасливым причитаниям: “Колдовство… Колдовство…” – а потом ко все более уверенному заключению: “Кианда! Кианда…”

Луду припомнила рассказы Орланду о Кианде. Зять пытался ей объяснить, в чем разница между Киандой и русалкой: “Кианда – это существо, сила, способная на хорошее и плохое. Ее энергия проявляется разноцветными огоньками, возникающими из-под воды, волнами и резкими порывами ветра. Кианду почитают рыбаки. В детстве я часто играл у пруда на заднем дворе этого дома и всегда находил ее дары. Бывало, что Кианда похищала прохожих. Люди потом появлялись снова, через несколько дней, – далеко, у других прудов или рек, на каком-нибудь пляже. Такое часто случалось. С определенного времени Кианда стала являться в образе русалки. Она обернулась русалкой, сохранив при этом свою изначальную силу”.

Вот так, при помощи обычного воровства и толики удачи, Луду завела на террасе небольшой курятник, заодно укрепив среди жителей Луанды веру в существование и могущество Кианды.

Мулемба Че Гевары

Во дворе, где образовался пруд, растет огромное дерево. Из книги об ангольской флоре, найденной в библиотеке, я узнала, что это мулемба (Ficus thoningli). В Анголе его называют Королевским деревом и еще

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Аве?йру – город в центральной части Португалии. (Здесь и далее примеч. перев., если не указано иначе.)

2

Остров Луанда – уходящая в океан песчаная коса длиной в несколько километров и шириной от 300 до 500 метров, отделенная от основной

территории ангольской столицы одноименным заливом.

3

Речь об антифашистской революции 25 апреля 1974 года, после которой африканские колонии Португалии одна за другой начали объявлять о своей независимости от метрополии.

4

Имеется в виду МПЛА, Народное движение за освобождение Анголы (Movimento Popular de Liberta??o de Angola).

5

Очень, много (ангольский диалект португальского).

6

Удача сопутствует смелым (лат.).

7

Бенгела и Моса?медиш – провинции в центре и на юге Анголы.

8

Искаженный лозунг периода борьбы за независимость и первых послереволюционных лет: “Борьба продолжается, победа неизбежна” (A luta continua, a vito?ria e? certa, португ.).

9

Парафраз песни Жака Бреля La ville s’endormait, “Город заснул” (примеч. автора).

Купить: https://tellnovel.com/agualuza_zhuze/vseobschaya-teoriya-zabveniya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити